

DK 26.2
.R9
Rare 6th. 200

№ 1

М а р т ъ

Цѣна 10 к. съ перес. 13 к.

БУРЕВАЯ

Еженедѣльный литературно-сатирический журналъ

Реданція и Контора Спб. Невскій 112.

Буреваль.

Тутъ безысходными часами
Свирѣпый вихоръ бушевалъ—
Передъ усталыми глазами
Чернѣть дико буреваль.

* *

Родныя, милыя дубровы,
Какъ сокрушило ихъ кругомъ!
Какъ будто ночью врагъ суровый
Прошелъ съ безжалостнымъ мечемъ.

* *

Лежатъ, не шевелясь, березы,
Нѣмыми трупами лежатъ,
Еще на блѣдныхъ листьяхъ слезы
Росой серебристою дрожатъ.

* *

Изъ подъ разсѣченной осины,
Чуть робкой вѣткой шевеля,
Глядитъ, придавленъ, кустъ калины,
Какъ бы о помощи моля.

* *

Вотъ дубъ торчить, объятый думой,
На вѣкъ съ вершиною своей
Простясь, и смотреть внизъ угрюмо
На зелень сорванныхъ вѣтвей.

* *

Вотъ ель, лишенная одежды,
Вся оголенная стоитъ,
О дняхъ минувшихъ безъ надежды
Груститъ, таинственно груститъ.

* *

А тамъ, подхвачена сестрою,
Склонилась старая сосна
И спитъ глубоко, лишь порою
Вдругъ что-то вымолвить со сна...

* *

Родныя, милыя дубровы,
Какъ сокрушило ихъ кругомъ,
Какъ будто ночью врагъ суровый
Прошелъ съ безжалостнымъ мечемъ!

* *

А въ вышинѣ толпой тяжелой
Лѣниво бродятъ облака
И—мнится—надъ равниной голой
Смѣются всѣ издалика.

* *

Да, тучи, смѣхъ всегда свободенъ,
Но знайте—лѣсъ неистребимъ,
И тайный корень не безплоденъ,
Одинъ спѣша вслѣдъ за другимъ.

* *

Побѣги молодые скоро
Побѣдно встанутъ изъ земли,
И оживленный ропотъ спора
Опять поднимется вдали.

* *

А вы, собравшіяся тучи,
Мгновененъ гордый вашъ полетъ;
Васъ вѣтра первый вздохъ могучій,
Какъ дымъ, безслѣдно разнесетъ.

Илурз.

Забутые герои.

(Какъ будто изъ Гейне).

Ночь... Темно... Во мракѣ келій
Монастырскаго строенья
Пѣснь обычную запѣли
Стройнымъ хоромъ привидѣнья...

Мрачно пѣніе... Мелькаютъ
Лица блѣдныя видѣній;
Въ лицахъ мертвенныхъ играютъ
Нависающія тѣни.

А въ рукахъ зловѣщимъ блескомъ,
Точно кровь, мерцаютъ свѣчи,
И звучать напѣвомъ рѣзкимъ
Ихъ молитвенныя рѣчи.

«Были мы герои жизни,
И почуя близость смуты,
Воздвигали мы въ отчизнѣ
Сокрушительныя путы.

Трепетали демократы,
Устрашались эсъ-эры,
Наполнялись казематы
Разрушителями вѣры.

Все свершили, что могли мы...
Отчего же, Богъ всемогущій,
Мы лежимъ, никѣмъ не чтимы
Въ скорби мрачной, тѣмъ могильной?

Отпусти насъ изъ могилы,
Распахни намъ, отче, двери,
Дай унять лихія силы
Въ дерзновенной атмосферѣ.

Такъ поетъ толпа видѣній...
И въ молитвенномъ напѣвѣ
Вторить имъ, склонивъ колѣни,
Вдохновенный старецъ Плеве.

Гастонъ.

Врагу.

Глубже, глубже, врагъ безумный
Сердце намъ изрань;
Пусть кипитъ твой праздникъ шумный
И преступить грань.
Шевелитесь муки, боли,
Пламенный, сильный—
Да не молкнетъ жажда воли,
Жажда новыхъ дней.
Громче, громче пулеметы,
Веселѣе, бичь!—
Край очнется отъ дремоты,
Снова кликнетъ кличь.
Если, погруженъ въ молитву,
Приунылъ народъ,
Ты, безумный врагъ, на битву
Двинь его впередъ.
Если тихъ и безмятеженъ
Онъ подъ гнетомъ бѣды,
Докажи ему, какъ нѣженъ
Ароматъ побѣды...

И. Невъжинъ

Вродя безпомощно во миль,
И жизнь отдавъ во власть Титану,
Дворцы и храмы на землѣ
Мы воздвигали Ариману

Но съ первымъ солнечнымъ лучемъ
Намъ власть Титановъ стала чужда,
И вотъ мы жизнь свою несемъ
На пышный жертвенникъ Ормузда!

М. Ольшанскій.

Ночь надъ столицей.

Ночь, какъ черная дума, нависла надъ усталымъ городомъ
какъ гнетущая тоска, заключила его въ свои холодныя объятія.
Усталый, темный городъ спитъ тревожнымъ, чуткимъ сномъ.
Дома—гиганты стоятъ въ глубокомъ раздумьи, словно ожида-
дая чего-то страшнаго, угрожающаго.

Громадныя окна зіяютъ среди стѣнъ, какъ широкія раны на
почернѣвшемъ трупѣ.

Фонари горятъ блѣдными трепещущими огоньками, борясь
съ глубокими волнами царящаго мрака.

Холодная даль безконечныхъ улицъ объята какою-то молча-
ливою, какъ смерть, тайною.

Даль, таинственно чернѣя, пугаетъ глазъ, заливаешь стра-
хомъ мысль.

А въ вышинѣ свинцовымъ пологомъ собрались угрюмыя
тучи, собрались по чьему-то велѣнію и неподвижно застыли въ
ожиданіи.

Словно въ ожиданіи чьихъ-то дальнѣйшихъ повелѣній.

А за ними, въ лазурныхъ бездонныхъ небесахъ луна и звѣзды-
можетъ быть, весело смѣются и, прихотливо ныряя въ голу-
быхъ волнахъ эфира, радуются, что тучи скрываютъ отъ нихъ
безконечнымъ покровомъ своимъ суровыя и блѣдныя картины
далекой земли.

Ночь виситъ надъ усталымъ громаднымъ городомъ.

Городъ спитъ, но сонъ его чутокъ и тревоженъ.

Городъ молчитъ, но молчаніе затаенное.

Тяжело и жутко.

Мысль залита гнетущимъ, какъ свинецъ, страхомъ.

Сердце бьется порывисто и часто.

Какое-то подозрѣніе ко всему окружающему вливается въ
острой струей яда.

Сердце готово повѣрить Богъ въсть чему.

Встанетъ на пути фонарь.

— Соглядатай!.. измѣнникъ!.. хочется крикнуть ему.

Поднимется вдаль, сливаясь съ волнующимся туманомъ, за-
копѣлая фабричная труба—и хочется завопить ей навстрѣчу:

— Предательница!..

Городъ молчитъ, но молчаніе его затаенное.

Мысль напряжена, натянута, какъ тончайшая струна арфы.

Мысль мучительно напряжена.

Все кажется...

Все мерещется...

Кто-то прощается...

Кто-то рыдаетъ...

Чьи-то проклятыя...

Какіе-то трескучіе зловѣщіе звуки...

Чье-то паденье...

Кого-то уносятъ...

Кого-то хоронятъ...

Чьи-то вопли...

Чья-то клятва...

Потокъ могучихъ угрозъ...

Ночь виситъ надъ столицей.

Илья Г.

Безъ суда и слѣдствій.

Молитва.

Отцы смирители и старцы изъ Кронштадта,
 Чтобъ побѣждать врага и супостата,
 Чтобъ смирять его священной бурей битвъ,
 Сложили множество карательныхъ молитвъ.
 Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
 Какъ та, которую такъ часто повторяетъ
 Ревнитель новыхъ правъ и гаснущихъ основъ,
 Во дни печальные распушенныхъ умовъ:
 «Крамолу дней моихъ, духъ страсти дерзновенной
 Да изведу на родинѣ священной,
 Да не узрю согражданъ прегрѣшенъ,—
 Ввести военное мнѣ должно положенье.
 И духъ смиренія, покорности, любви,
 Я обрѣту въ дымящейся крови».

Вили.

У Мендельсона.

(Записки одного человека).

А, знаете-ли,—сказалъ намъ Мендельсонъ, когда мы не безъ робости вступили въ его апартаменты—вопреки расплодившимся въ послѣднее время слухамъ о возбужденномъ состояніи Россіи, я съ удовольствіемъ констатирую фактъ дѣйствительнаго наступленія успокоенія умовъ и явные слѣды проведенія въ жизнь конституціонныхъ формъ правленія.

Мы пріятно осклабились въ отвѣтъ, и невѣдомый намъ давно уже порывъ патриотическаго восторга не замедлилъ проявиться въ видѣ шарообразной капли у праваго глаза.

— Такъ точно ваше...ство! Мы сами это чувствуемъ. Дѣйствительно этакое, знаете, спокойствіе, миръ и даже сладость неизъяснимая на душѣ. Вотъ извольте-ка, ваше...ство, поглядѣть на статейки новой газеты у насъ. „Русское Государство“ прозывается. Этакое, бойкое перо... Такъ и она даже утверждаетъ, что народъ проникся такимъ уваженіемъ къ власти, что даже не желаетъ государственной думы.—Вы, говорятъ, наши радѣтели, кормильцы, говорятъ, наши... Куда намъ уму разуму вась-то учить... Но мы, конечно, внушаемъ ему, что униженіе паче гордости.

Большой финансистъ внимательно посмотрѣлъ на насъ и произнесъ:

— Да, да, теперь я дѣйствительно убѣждаюсь, что все это газетныя утки о разстрѣливаемыхъ на улицѣ, о голодающихъ, о безработныхъ... Я даже, признаюсь, революціонеровъ не видѣлъ...

— Не видѣли, ваше...ство?—подхватили мы взирая на него съ тайной надеждой:—Они въ настоящее время предпочитаютъ не выходить на улицу. Государство предложило имъ прекрасное помѣщеніе... имъ тамъ удобнѣе...

— Да, да, на дняхъ читалъ. Ихъ, кажется, 72 тысячи оказалось по послѣднему подсчету?

Мы покраснѣли.

— Такъ точно... Народъ привѣтствуетъ благія мѣропріятія, видя, какъ государство заботится даже о несочувствующихъ ему, не давая имъ подвергаться хотя бы голоду, который, почему-то, упорно охватываетъ революціонеровъ, когда они на свободѣ.

— А скажите, chère, что это такое у васъ се, qu'on appelle „голодающія губерніи?“ Я, признаюсь, до сихъ поръ не представляю себѣ этого фигуральнаго выраженія. Мнѣ все кажется, что это не то голодающіе представители населенія губерніи, не то губернскія власти, не то какія-то зданія губерніи. Словомъ, чепуха кака-то...

— А это, ваше...ство, изволите ли видѣть произведенія, главнымъ образомъ, отечественной литературы, выражаясь фигурально. Чрезвычайно психологическая тема для романовъ, повѣстей и даже... поэмъ, легендъ и басенъ. У насъ, видите, изъ области литературы исключена въ настоящее время любовь... Ну и новая, значить тема... Такъ что это поэтическая вольность. Конечно, въ губерніяхъ есть особый родъ „голодающихъ“. Но это свего рода религіозная секта, въ родѣ индійскихъ факировъ... Они морятъ себя голодомъ, сами себя сѣкутъ, разстрѣливаютъ и т. д...

— Да, да, я слышалъ о религіозномъ пылѣ русскихъ... Нѣчто, какъ бы сказать, этакое игривое: père Jean, Porphyrie et cetera... Да, кстати, по поводу саморазстрѣла, я думаю, что поэтому участились кражи оружія и снарядовъ изъ полковыхъ запасовъ.

— То-есть, это собственно неважно, ваше...ство. На матеріальномъ состояніи казначейства это не отзывается... Убыль оружія въ казармахъ компенсируется захваченнымъ оружіемъ на частныхъ квартирахъ... Но я, собственно, очень радъ видѣть, что ваше...ство представляетъ себѣ въ истинномъ свѣтѣ положеніе нашей страны и вслѣдствіе этого вполне вѣрить въ ея кредитоспособность на случай, такъ сказать, вашего...

Банкиръ мечтательно посмотрѣлъ въ пространство и сдѣлался удивительно похожимъ на гомельскаго еврея.

— Да, конечно...—процѣдилъ онъ—но все-таки, несмотря на мою вѣру, я въ данное время не располагаю соответствующими суммами...

Двѣ шарообразныя капли оросили наши щеки.

Эти капли не являлись показателями патриотическаго восторга...

Перехватилъ Гастонъ.

Бредъ.

Всю я бредилъ вчера безпокойную ночь
 И сегодня весь день не могу превозмочь
 Обуявшаго сердце кошмара.
 Все мерещится мнѣ—дребезжитъ всюду сталь,
 Зданья рушатся, словно разбитый хрусталь,
 И свирѣпствуетъ пламя пожара:

И могучаго пламени ярче, алтѣй
 Въ городахъ, деревняхъ, средѣ дорогъ и аллей
 Льются крови обильныя рѣки;
 Вкругъ безумные вопли проклятій и мукъ,
 Милліоны съ угрозою поднятыхъ рукъ,
 Груды труповъ застывшихъ навѣки.

Все мерещится блескъ чьихъ-то трепетныхъ глазъ,
 Все мнѣ чудится чей-то раскатытый гласъ:
 „Человѣкъ не страшись моей тѣни!
 „Я не жажду кровавыхъ холодныхъ картинъ,
 „Безпоощадной вражды и огня, и руинъ—
 „Безкорыстный и добрый я ченій.

„Пусть мой юлосъ тяжелъ, какъ ударъ громовой,
 „Пусть мой ликъ вѣетъ холодомъ, тьмой пробоной,—
 „Ты моихъ не страшись напѣвовъ;
 „Я люблю только то, что мертво съ давнихъ поръ,
 „Я сметаю лишь полный миазмами соръ,
 „Чиню мѣсто для новыхъ поствовъ.

„Дни пройдутъ—и на мѣстѣ снесенныхъ огнемъ
 „Жалкихъ жилищъ, обгятыхъ тоскою и сномъ,
 „Встанутъ новыя, мощныя зданья;
 „Гдѣ во мракъ бродилъ легионъ дикарей,
 „Развернется могучее царство людей,
 „Царство разума, царство сознанья...”

И. Любинъ.

Въ альбомъ выпускнымъ надетамъ.

«Ускоренный выпускъ кадетъ восторженно принялъ вѣсть о назначеніи ново-произведенныхъ подпоручиковъ въ карательные отряды».

(изъ газетъ).

Не плѣняйся Мина славой,
Подпоручикъ молодой,
Не бросайся въ бой кровавый
Съ безоружною толпой!
Знаю я, что ты отваженъ
За спиной своихъ солдатъ,
Что совсѣмъ тебѣ не страшень
Рядъ народныхъ баррикадъ.
Знаю я: пусть будешь цѣлью
Для крамольнаго огня,—
Подъ военною шинелью
Блещетъ звонкая броня.
Но боюсь я: въ битвѣ дерзкой
Ты утратишь, какъ и Минь,
Вмѣстѣ съ честью офицерской
Имя—«русскій гражданинъ».

Вилли.

Уныніе.

Не спрашивай, зачѣмъ съ унылой миной
Читаю я весь день извѣстія газетъ.
Зачѣмъ, томимъ грядущею судьбиной,
Съ опаской тайною гляжу на кабинетъ;
Не спрашивай, зачѣмъ рукой тревожной
Я нелегальщину отъ зоркихъ прячу глазъ
И не зову свою тревогу ложной:
Кто разъ сидѣлъ, тотъ снова сядетъ разъ,
Кто зналъ темницу, вновь ее узнаетъ,
На краткій мигъ онъ разлучился съ ней
Свиданье близится... Свобода догораеть...
На лѣстницѣ звучатъ шаги людей...

Ася

Мужицкая пѣсня.

На погостъ Илью везутъ—
Всей деревнѣ режутъ...
Плачутъ! Калина!
Горько! Малина!
Бѣдѣ убиты до сихъ поръ
Гришка, Сила и Егоръ!
Федоръ! Калина!
Павелъ! Малина!
У харчевни на суку
Ужъ повѣсили Луку,
Глѣба! Калина!
Савву! Малина!
Остальныхъ въ селѣ отрядъ
Мужиковъ деретъ подъ-рядъ,
Розгой! Калина!
Плеткой! Малина!
На одномъ и томъ же мѣстѣ
Всыпятъ имъ ударовъ двѣсти,
Ловко! Калина!
Лихо! Малина!
Заливаются слезами
Дѣвки цѣлыми часами!
Стонутъ! Калина!
Воютъ! Малина!
На селѣ теперь вдовицъ
Больше, чѣмъ на полѣ птицъ!
Вдвое! Калина!
Втрое! Малина!

В. Г—овъ.

Восточная сказочка.

Жилъ когда-то грозный сатрапъ
Любилъ ли онъ своихъ слугъ, или
нѣтъ—не знаю.

Но не проходило дня, чтобы десятокъ,
другой головъ не валилися съ
рабскихъ плечъ.

Вотъ пришла очередь одному
старцу.

— И сказалъ старецъ передъ
смертью:

— О, могучій владыка! Если ты
рубишь головы своихъ рабовъ по-
тому только, что любая изъ нихъ
умнѣе твоей, знай— хотя бы во всей
сатрапіи осталась одна твоя голова,
то и тогда она будетъ глупѣйшая...

И голова старца покатила къ
ногамъ сатрапа...

Игорь.

Почтовый ящикъ.

Заемщику. Да, пріѣхалъ; но неумолимъ.
Денегъ, пожалуй, не будетъ.

Избирателю. Да, несомнѣнно будутъ,
хотя не въ форменномъ платѣ.

Подписчику № 6873. Да, введено.

№ 10276. Введено.

№№ 12035, 1875, 3653. Повсюду введено
Случайному генералъ-губернатору. Не
смущайтесь. Дѣло не въ чинѣ. Именоваться
можете по классу должности.

Чашъ терпѣнія. Вполнѣ соглашаемся,
что вы переполнены. Совѣтовать мы не в
правѣ. Спросите у себя.

Вкладчику. Что-жъ дѣлать? Пеняйте
на себя. Васъ предупреждали. Надежда на
помощь гостя безосновательна.

Безутѣшной вдовѣ. Старикъ Суворинъ
васъ утѣшитъ.

Завѣдующій «Почтов. Ящикомъ»

Мизиръ.

Камопойдохъ дохъ твоего иотъ лица твоего камо бѣжѣ.

(На мотивъ камаринской).

Мартбрю двадцать девятого,
Въ день Акима Простоватого
Шелъ молебень благодарственный
Ради думы государственной.
Смастерили въдь желанную
Подъ усиленной охраною;
Такъ для перваго пришествія
Собралися на молебствіе
Слушать слово назиданія
Люди всяческаго званія.
Все спасатели имперіи
Облеченные въ доверіе,
Съ позументами, да съ кантами,
Съ золотыми аксельбантами,
Представители казакіе,
Тресвятители кр. штадтскіе;
Даже, братицы не хотите ли,
Отъ охранной представителя.
Были рожки двѣ кадетскія,
Дѣль единственныя свѣтскія,
Да жандармы рѣчью бравую
Схоронили ихъ со славою—
Не позоръ, дескать, имперіи,
Становися во преддверіи,
Такъ въдь свѣще определено—
Не ходи, куда не вѣльно.
Былъ тамъ советвенной персоною
Витте съ графскою короною

И придержививалъ за талію,
Крушевана да Амалию.
А эс-эры вовсе не были,
Дескать, нѣту лишней небели.
Такъ молились люди разные
Генералы да приказные,
И внимали люди оныя
Славу въцему Антонія.
Говорилъ онъ о крамольникахъ,
О жандармахъ—сердобольникахъ,
Объ эс-эрскомъ своеволіи
Да объ винной монополіи,
Какъ эс-эры Русь единую
На три части съ половиною
Дѣлятъ съ важною аппломбѣй
Да страцаютъ лютой бомбѣй,
Говорилъ о духовенствѣи,
О небесномъ благоденствѣи,
Какъ за юре, за тѣлесное
Вѣдемъ въ царствіе небесное..
Много, братицы, говорилось
Да собранье умиралося:
Захратили иремынныя,
Къ разговорамъ непривычныя,
И журчало слово оное,
Будто пѣнье похоронное,
И подъ дружное хралѣніе
Разрушалось „средостѣніе“

Мизирь.

Рис. А-де-Шалдо.

Отъ редакціи.

1) Рукописи, доставляемые въ редакцію, должны быть снабжены полной подписью и адресомъ автора (исключительно для свѣдѣнія редакціи).

2) Статьи авторовъ подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращенію по усмотрѣнію редакціи.

3) Редакторъ принимаетъ для личныхъ объясненій по понедѣльникамъ средамъ и субботамъ отъ 4 ч. до 6 час. дня.

Редакторъ В. Е. Турокъ.

Открыта подписка на 1906 годъ.

На еженедѣльный литературно-сатирическій журналъ

„БУРЕВАЛЪ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ СПБ. БЕЗЪ ДОСТАВКИ.

въ годъ 3 рубля | съ доставкой и пересылкой во всѣ города Рос. Имперіи 5 р. | $\frac{1}{2}$ года 3 рубля

Журналъ выходитъ еженедѣльно не менѣе 8 страницъ большого альбомнаго формата, печатается на плотной бумагѣ. Въ каждомъ № помѣщается не менѣе 6 рисунковъ на политическія и общественныя злобы дня.

Подписка принимается въ конторѣ журнала Спб., Невскій, 112.

Изд. М. Насаткина.

Редакторъ В. Е. Турокъ.

БУРЕВЛЪ

Еженедѣльный литературно-сатирическій журналъ

Редакція и Контора Спб. Невскій 112.

Нужно освѣжить!

(Не фактъ, а даже на самомъ дѣлѣ было).

Желѣзнодорожная платформа въ г. Харбинѣ. На платформѣ главнокомандующій генералъ Линевичъ. Кругомъ блестящій штабъ. Грудь каждого „воина“ — цѣлый иконо-стасъ.

Влетаетъ совсѣмъ юный подпоручикъ, „независимо“ козыряетъ, отходитъ на приличное разстояніе и начинаетъ закуривать папиросу.

Главнокомандующій недовольно морщится и, безуспѣшно бросивъ нѣсколько негодующихъ взглядовъ на дерзкаго, приказываетъ позвать его.

Подпоручикъ подходитъ... Козыряетъ...

„Э... э... э...“, мямлитъ генералъ, „вы тамъ, кажется, закуривали?..“

— „Ваше Превосходительство, согласно воинскому уставу, на разстояніи 20 шаговъ и на свѣжмъ воздухѣ“... начинаетъ подпоручикъ.

„Э... э... э...“ прерываетъ его съ гнѣвомъ генералъ, *какой же можетъ быть свѣжій воздухъ въ присутствіи главнокомандующаго...*

Подпоручикъ молча соглашается, козыряетъ и уходитъ.

Н. Градовъ.

Вихрь.

Вихря могучаго слышите-ль, братья,
Грозный полетъ за окномъ?
Скрытую злобу, глухія проклятья
Слышите-ль въ вихрѣ ночномъ?

Ночь черезчуръ ужъ была непроглядна,
Мрагомъ окутанъ былъ путь,
Тишь гробовая, какъ будто злорадно,
Гнетомъ ложилась на грудь.

Куполъ небесный, задержнутый мглою,
Пропasti черной страшнѣй,
Низко и грузно висѣлъ надъ землею,
Грудью тяжелой своей.

Море угрюмо дремало... молчали
Волны въ ущеліяхъ скалъ,
Призракъ безжизненной тихой печали
Всюду, казалось, блуждалъ.

Пусть же волнуется вѣтеръ могучій,
Радуйтесь, братья, ему!
Скоро разсѣетъ онъ черныя тучи,
Скоро разгонитъ онъ тьму.

Пусть даже ветхій нашъ уголь съ налета
Мощнымъ крыломъ потрясетъ,—
Братья, за то отъ полнощнаго гнета
Буря побѣдно спасетъ.

Иванъ Невяжинъ.

Они.

Имъ идолы нужны, — они не вѣрятъ въ Бога;

Имъ надъ каменными богамъ;

Имъ тапища нужны, съ позолоты много,

И олимпіада, и жрецовъ.

И тамъ живутъ они въ какомъ-то полъраченіи

И ждуть в неслыханныхъ чудесахъ,

Не вѣрятъ разуму и жаждутъ въ сслѣпленіи,

Чтобъ двинулся „бирнамскій лѣсъ“.

В. Умановъ-Каплуновскій.

Нѣжные мысли.

Ничто не вѣчно!
Притихло, но не навсегда!

И въ крови захлебнуться возможно!

Говорятъ: „Перемелется мука будетъ“, сіе не правильно, ибо перемели порошокъ, — порошокъ и останется.

Ежели и съ нищихъ со всѣхъ снять суму и рубаху такъ и то капиталецъ получится столь изрядный, что онымъ не побрезгуютъ не одни нефтепромышленники и сахарозаводчики. При-мѣры сему видали.

Грибы, что генералъ-губернаторы, — растутъ по погодѣ глядя.

И держиморды бываютъ министрами, не токмо министры держимордами!

Никодимъ.

Подблюдная пѣсня.

Партія В.-Д., Стессель, Куропаткинъ
и др., таская миллионы за границу, по
очередно поютъ ..

Solo. Ужъ я золото
Хороню, хороню!
Чисто серебро
Прихораниваю!

Я у Ротшильда
Въ терему, въ терему!
У Мендельсона
Подъ замкомъ, подъ замкомъ!

Tutti. Гадай, гадай, публика,
Отгадывай, русская,
По острогамъ сидючи,
На рѣшетки глядячи,
Что намъ съ рентой дѣлать,
Какъ нашъ курсъ повесити?!

Паль, паль нашъ кредитъ
Въ Парижѣ, въ Берлинѣ,
Въ Лондонѣ, въ Антверпенѣ

Вы, банкирушки,
Вы голубчики,
Насъ въ бѣдѣ не покидайте:
Золотца немножко дайте!...

Небольшая пауза,—и снова таже пѣ-
сня.

Н. Селецкий.

Все мое—сказала смута,
Все мое—сказалъ терроръ.
Всѣхъ зажду—сказала смута.
Все сожду—сказалъ терроръ.

Разъ, попа повстрѣчавъ,
Говоритъ ему графъ
Витте:—
Хочешь, другъ дорогой,
Чтобъ мы были съ тобой
Квиты?—
Я тебя пощажу;—
Свой тебѣ расскажу
Методъ:
Кабы ты мнѣ помогъ,—
Видишь денегъ мѣшокъ
Этотъ?—
Я-бъ те всыпалъ, ей-ей,
Въ шапку сотни рублей,
Шутка!
— Сыпь сейчасъ! крикнулъ поэтъ,
Обнаживъ мудрый лобъ:
Шутка!

Ефрейторъ, георгиевскій кавалеръ Степанъ Бамбула *).

(А также потреотъ. Прим оригинала).

Прогрессъ

Уфа. Чрезвычайная охрана замѣ-
нена усиленной. (Телеграмма).

Ликуй, Уфа! Судьбою тайной
Впередъ идешь ты неустанно:
Взамѣнъ охраны чрезвычайной
Тебѣ усилена охрана,
Волной спасительной террора
Для славы родины влекома,
Я вѣрю, ты узнаешь скоро
Эпоху чернаго погрома.

Вилли.

*) Удовлетворяя настоятельную просьбу ефрей-
тора Степана Бамбулы, приславшаго намъ свой
портретъ для воспроизведенія, мы предлагаемъ ли-
цамъ, одержимымъ подобнаго-же рода желаніемъ при-
сылать намъ свои фотографическія карточки, кото-
рыя будутъ использованы нашими художниками.

Редакція.

Вѣрныя средства.

Я, полноправный гражданинъ консти-
туціоннаго государства, почти выборщикъ
въ государственную думу, кандидатъ на
Шпалерную и прочая, объявляю всѣмъ сво-
имъ соотечественникамъ, что мной послѣ
долгихъ размышлений установлены слѣдую-
щія „вѣрныя средства“, успѣшность кото-
рыхъ блестяще подтвердилась цѣлымъ ря-
домъ опытовъ, давшихъ положительные
результаты:

I Вѣрныя средства добиться „Крестовъ“
и иныхъ отличій:

а) Считаться кандидатомъ въ госу-
дарственную думу безъ надлежащаго на
сей предметъ разрѣшенія.

в) Писать въ альбомы кадетамъ, пра-
порщикамъ и тому подобному сословію.

с) Жить въ конституціонной странѣ.

II Вѣрныя средства добиться богатства:

а) Искоренять крамолу детальнымъ
исслѣдованіемъ жителей безъ р зличія пола,
сословія и вѣроисповѣданія.

в) Сдѣлаться генералъ-губернаторомъ
хотя бы одного квартала.

с) Не вѣрить никакимъ бумагамъ.

III Вѣрное средство сохранить жизнь:

а) Переселиться въ менѣ конститу-
ціонное государство.

Всякому, который, ссылаясь на мое зая-
вленіе, пришлетъ мнѣ свой адресъ, я со-
общу вѣрное средство удержаться на сво-
емъ мѣстѣ.

Съ почтеніемъ Гастонъ.

Эпитафія.

(Изъ посвященій Дурново).

Съ фонъ-Плеве одною онъ жизнью
дышалъ,

Шпіоновъ любилъ кочеванье

И пользу тюрьмы, какъ никто, понималъ

И славилъ въ тюрьмѣ прозябанье.

Была ему „Гнусная Книга“ ясна;

Со смутой бороться учила она.

—Ы—

Кто онъ?

Переулкомъ узкимъ, темнымъ,
По грязи и по камнямъ
Шла фигура съ видомъ скромнымъ
По протореннымъ слѣдамъ.

Только вотъ.. охранный теремъ,
У дверей жандармъ стоялъ,
Озиралъ владѣнья звѣремъ
И бранился, и вздыхалъ.

Все ворчалъ онъ подъ носъ строю:
— Ну и напасть! Ну, бѣда!
Ишь вѣдь мало имъ острога;
Такъ давай сажать сюда!

За стихи или за прозу
Привезли ихъ... Кто пойметъ?
Всякій нынче шлетъ угрозу...
Ишь озоренъ сталъ народъ.

Ну и мерзни на крыльцѣ ты,
Да не двигайся отсель:
Вишь вѣдь—заняли поэты
И жандармскую постель...

И да... и стали здѣсь законы
При теперешней порѣ...
Выходи-ка днемъ въ шпионы,
Ночью мерзни на дворѣ!..

Пѣшеходъ, прослушавъ это,
Привести нарядъ велѣлъ
И промолвилъ:—«Мѣста нѣту?
Такъ отдать ихъ на разстрѣлъ»!

— На разстрѣлъ? Вотъ это слово
Молвилъ—думаетъ ворчунъ:
— Ишь вѣдь—виду никакого,
А по рѣчи—впрямь колдунъ.

Что за личность? Что за диво?
Право, какъ-то невдомекъ!—
И съ улыбкой онъ трусливой
Сталъ во фрунтъ, подъ козырекъ.

Вилли.

Изъ неизданнаго апокрифа.

.... И сказалъ Господь братоубійцѣ:
— Каинъ, Каинъ! Гдѣ твои
братья? Гдѣ твои сестры?

— Не я сторожъ моимъ братьямъ
и сестрамъ, а нашъ генералъ—губер-
наторъ — отвѣчалъ Каинъ.

И плюнулъ *) Господь, и разго-
варивать не сталъ....

Никодимъ.

Герой.

На груди его Георгій,
На шинели красный кантъ,—
То герой всѣхъ тыльных оргій
Пресловутый интендантъ.

Энде.

*) Примѣчаніе корректора. Думаю, что не-
правда, ибо, ежели бы Господь плюнулъ, то
что-нибудь создалось бы.

Вы нѣчь молили:
„Цари безсмѣнно!“

Кричали буръ:
„Усни мгновенно!“

Твердили тучамъ:
„Плотный, нѣмный!“

Грезили морю:
„Не смѣй, не смѣй!“

Смѣялась буря.
„Ко сну не клонитъ,“

Шутили волны:
„Насъ кто-то гонитъ,“

„Давно безсильна“
Вздыхала нѣчь.

Шептали тучи:
„Уходимъ прочь..“

И. Г.

Иностранное обозрѣніе.

(Перепечатка изъ японской газеты „Хара-кири“).

РОССІЯ (отъ собственнаго корреспондента). Введеніе здѣсь новой формы правленія вызвало сильное неудовольствіе со стороны жителей окраинъ Россіи, которыхъ здѣсь называютъ крайними партіями. Поэтому, окраины Россіи заявили, что онѣ настаиваютъ на самоуправіи, которое сохранилось въ прежнемъ режимѣ. Всегда чуткое къ пуждамъ своего народа, начальство не оставило безъ вниманія подобнаго ходатайства и не замедлило отправить на окраины армію, какъ элементъ, наиболѣе склонный къ самоуправію. Населеніе боготворитъ прибывающее войско и въ честь его, по обычаю древнихъ, предоставляетъ часть туземцевъ для принесенія благодарственныхъ жертвъ. Армія со своей стороны оказываетъ неоцѣнимыя услуги окраинамъ, способствуя во многихъ случаяхъ устраненію чрезмѣрной плотности населенія, обусловливавшей до сихъ поръ, такъ называемые, аграрные безпорядки.

Къ сожалѣнію, заботливое отношеніе начальства къ народу во многихъ мѣстахъ понижаетъ любовь къ труду, и разлѣнившіеся жители предпочитаютъ жить на полномъ иждивеніи государства. Но въ виду обилія разлѣнившихся, таковое желаніе удовлетворено быть не можетъ по случаю переполненія государственныхъ благотворительныхъ помѣщеній. И поэтому въ данномъ случаѣ приходится соблюдать строгую очередь въ удовлетвореніи ходатайствъ. Однако жители не желаютъ обращать вниманія на затрудненія правительства и примѣняютъ всевозможныя хитрости, чтобы попасть въ правительственныя помѣщенія внѣ очереди. Между прочимъ для этой цѣли они пользуются дѣйствующимъ здѣсь закономъ, по которому лица, издающія сатирическіе журналы, имѣютъ преимущество въ этомъ отношеніи.

Благодаря такого рода соображеніямъ, замѣчается увеличеніе числа сатирическихъ изданій.

Что касается государственной думы, то авторитетъ ея настолько великъ, что жители не въ силахъ избрать достойныхъ представителей въ нее. Однако и здѣсь, заботливое начальство не оставило безъ вниманія затрудненія народа и не отказывается въ руководствѣ выборами. Характерно то замѣчательное обстоятельство, что наиболѣе достойными кандидатами оказываются вышедшіе въ отставку чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ.

Такимъ образомъ, Россія мало-по-малу становится страной вполне конституціонной, несмотря на происки демократовъ и инородцевъ, упорно пытающихся вернуть режимъ покойнаго министра фонъ-Плева, безусловно болѣе выгодный для нихъ въ смыслѣ успѣшности преступной пропаганды.

Перепечаталъ Гастонъ

Портретъ.

Когда узришь ты мужа средь столицы,
Который бдитъ *),
Чье ухо трепетнѣй, чѣмъ ухо у ослицы,
Оплеванъ видъ,
Чей озираетъ взоръ тебя украдкой
Со всѣхъ сторонъ, **)
Кто говоритъ съ тобой умильно, сладко,
Знай—это онъ. ***)
Тома и Даміанъ Прутковы.

*) Вариантъ № 1. Кто не обрѣтъ.

**) Вариантъ № 2. Ты лѣвъ или правъ.

***) Вариантъ № 3. Знай—это графъ.

Примѣч. авторовъ.

* * *

Нѣтъ, юный другъ, мы не устали,
Мысль о покоѣ далека;
Надежда, вѣра тверже стали,
Грудь непокорная крѣпка.

Тѣ дни прошли, когда безумье
И злоба буйнаго врага
Будили робкое разлѣнье
Про тишь родного очага.

Пусть много насъ легло средь поля
Отважныхъ схватокъ бурныхъ сѣчъ—
Еще не гнется наша воля,
Не притупился острый мечъ.

Пусть съ каждымъ часомъ незамѣтно
Преграды на пути растутъ—
Тревоги новыя безсмѣтно
Намъ силы новыя даютъ.

Мы не устанемъ малодушно
Пока врага не поразимъ,
Пока свободы стяга дружно
Въ краю родномъ не водрузимъ.

И. Невяжинъ.

Капище.

Ночь на исходѣ.
Тучи кругомъ,
Молніи, громъ;
Капище ветхое дремлетъ
Капище ветхое внемлетъ,
Злой непогодѣ.
Сумрачны стѣны,
Темный гранитъ
Тайну хранитъ;
Сводъ предается заботамъ,
Мглою обвить, какъ налетомъ
Тающей пѣны.
Боги угрюмы;
Вздрогнетъ порой
Гордый ихъ строй.
Тихо ложатся на лики
Неисчислимы и дики,
Черныя думы.
Боги устали,
Видятъ сквозь сонъ—
Храмъ потрясенъ,
Буйные воютъ циклоны,
Рушатся съ трескомъ колонны
И пьедесталы.

Ливень холодный,
Ливень ночной
Мощной волной
Грозно обломки смываетъ,
Въ тайныя глубины скрываетъ
Камень бесплодный..
Злой непогодѣ
Вторитъ кругомъ
Весело громъ.
Капище ветхое дремлетъ,
Капище съ трепетомъ внемлетъ..
Ночь на исходѣ..

И. Любинъ.

Осень.

Погасъ надежды лучъ туманный,
Въ столицѣ шумъ стихъ замолкъ,—
И жаждетъ снова славы бранной
Герой Москвы—гвардейскій полкъ.
Его почуя, житель робкій
Дрожитъ, какъ Мищенко на сопкѣ,
И прячетъ битую спину
То за дѣтей, то за жену...
И забастовокъ злыхъ не чуя,
И не страшась лихихъ обидъ
Кронштадтскій старецъ „Аллилуйя“
Съ улыбкой постною твердитъ,
И томно молятся гетеры;
Въ „Крестахъ“ спасаются эс-эры,
И злой реакціи холопъ,
Терзаетъ ихъ казенный клопъ.

*Вилли.***Немного хроники.**

I Изъ самыхъ достоверныхъ источниковъ можемъ сообщить, что заказанные русскимъ правительствомъ на французскихъ заводахъ блиндированные автомобили съ пулеметами, дѣлающими отъ 500 до 600 выстрѣловъ въ минуту, — предназначены исключительно для внутренней службы. Предполагается снабдить каждымъ генераль-губернатора такимъ автомобилемъ. Въ высшихъ сферахъ увѣрены, что при достаточномъ количествѣ этихъ автомобилей Россія совершенно успокоится.

II. Въ виду все болѣе и болѣе учащающейся невозможности найти палачей для приведения въ исполненіе смертныхъ приговоровъ, рѣшено формировать постоянный кадръ палачей изъ людей опытныхъ и знающихъ дѣло.

III. Ходитъ слухъ, что нижегородскій губернаторъ камергеръ Александровскій недоволенъ настоящей должностью. Онъ занятъ присканіемъ мѣста казначея какого-либо распространеннаго благотворительнаго общества.

Пѣсня рабочихъ.

Все, чѣмъ отчизна гордится,
Все, что красуется въ ней,
Нашею силой родится,
Потомъ, трудомъ нашихъ дней.

Мы города основали,
Дымные лона болотъ
Въ стройный гранитъ заковали,
Словно въ незыблемый ледъ.

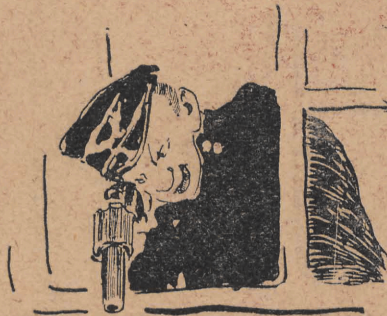
Нами прорѣзаны горы,
Тамъ, гдѣ мѣшали онѣ,
Сдвинуты темные боры,
Созданы грани волнѣ.

Мы по рѣкамъ и потокамъ
Мостъ провели за мостомъ,
Западъ связали съ востокомъ
Ровнымъ чугуннымъ путемъ.

Мы воздвигали неслышно
Стѣны роскошныхъ дворцовъ,
Парки раскинули пышно,
Гладь серебрястыхъ прудовъ.

Все для насущнаго хлѣба
Мы создали за грошъ,
Все для избранныхъ неба,
Все для лѣнливыхъ вельможъ.

Нынѣ-жъ родному народу
Тяжкій свой трудъ отдаемъ,
Братьямъ усталымъ свободу,
Миръ и покой создаемъ.

И. Гуревичъ.

Редакторъ В. Е. Турокъ.

Отъ редакціи.

1) Рукописи, доставляемыя въ редакцію, должны быть снабжены полной подписью и адресомъ автора (исключительно для свѣдѣнія редакціи).

2) Статьи авторовъ подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращенію по усмотрѣнію редакціи.

3) Редакторъ принимаетъ для личныхъ объясненій по понедѣльникамъ, средамъ и субботамъ отъ 4 ч. до 6 час. дня.

Рис. А. де-Пальдо.

Ставя себѣ цѣлью способствовать культурному развитію нашего отечества путемъ самой рѣзкой критики темныхъ сторонъ современной общественной жизни, редакция журнала

РЕДАКЦІЯ
Невскій, № 112.

„БУРЕВАЛЪ“

КОНТОРА
Невскій, № 112.

будетъ чутко реагировать на все злободневное, не упуская изъ виду великой общей задачи — освобожденія родины.

Къ участию въ журналѣ привлечены многіе изъ видныхъ представителей литературы и искусства, полный списокъ которыхъ будетъ опубликованъ въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ журнала.

Въ теченіе года подписчики получатъ цѣлую серію современныхъ типовъ, исполненныхъ художниками Н. Н. Герардовымъ, А. Н. де-Пальдо и другими.

Въ случаѣ прекращенія журнала, вслѣдствіе „независимыхъ“ обстоятельствъ, подписчики будутъ получать другой журналъ одинаковаго направленія, наиболѣе соответствующій взглядамъ редакціи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ безъ доставки **8 руб.** || съ доставкой и перес. во все города Росс. Импер. **5 руб.** || на полгода **3 руб.**

Допускается разсрочка по 1 рубъ въ мѣсяць.

Издат. М. Касаткина.

Редакторъ Вл. Турокъ (Вилли).

№ 4.

М А Й.

1906 г.

Цѣна 10 к.

№ 4.

БУРЕВАЯ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ САТИРЫ

Отъ редакціи.

Несвоевременный
выходъ № 4 жур-
нала обусловлива-
ется живымъ ин-
тересомъ къ на-
шему изданію со
стороны админи-
страціи, завладѣв-
шей всѣми экзем-
плярами 2-го и 3-
го № № путемъ
захватнаго права.
Надѣмся, что въ
дальнѣйшемъ ад-
министрація пере-
мѣнитъ революці-
онную тактику на
иную, болѣе соот-
вѣтствующую ея
положенію, и наши
подписчики будутъ
получать журналъ
аккуратно.

Министерскій кризисъ или вознесеніе кабинета.

Утро старого цензора

Легенда.

Крѣпки; высоки и мрачны хоромы боярина Воли, изъ дикаго, сѣраго камнѣ, тесаны мощныя стѣны; надежны желѣзныя зубья ограды, тяжелымъ замкомъ запираются на ночь ворота изъ крѣпкаго, толстаго дуба, и стража кругомъ заповѣданныхъ стѣнъ, и денно и ночью смѣняясь, бродить.

Никто еще не былъ изъ смертныхъ въ владѣньяхъ боярина Воли; ничья дерзновенная мысль не рѣшалась на подвигъ опасный; всякій долодлинно вѣдалъ и крѣпость стариннаго замка, и острые зубья ограды, и грозную стражу, и нравъ непокорный и лютый боярина Воли. И съ завистью каждый взиралъ на владѣнья боярина, силъ его непреклонной и гордой завидовалъ, лютаго нрава страшился, пуще всего же объять былъ безумнымъ и пылкимъ желаньемъ, — видѣть наслѣдницу стараго Воли, младую красавицу дочку Свободу.

Въ высокой свѣтлицѣ боярскихъ хоромъ подъ надзоромъ радѣтельной мамки Молвы, скоронилъ свою дочь отъ людскаго нескромнаго взора бояринъ.

Сильно онъ чество ея дорожилъ, опасаясь сосѣдей, не вѣдая самъ, что боярская мамка Молва отъ природы болтлива и многихъ безумнымъ стремленіемъ видѣть боярскую дочку зажгла, непрерывно твердя о красѣ неописанной дщери боярской. И вѣщие скальды, пѣвцы и баяны, внимая словамъ, воспѣвали красу сокровенной Свободы, бряцали священныя, дивныя

пѣсни, и звонкія струны, подъ вѣщими скальдовъ перстами звеня, рокотали, и громкая слава прекрасной Свободѣ неслася по міру.

Гордый бояринъ сидитъ въ своихъ пышныхъ хоромѣхъ мраченъ, угрюмъ. И терзаетъ боярское сердце кручина. Мнится ему, беспокойно въ высокой свѣтлицѣ. Мнится, любимая дочь одержима волненіемъ сердца, — юное сердце Свободы трепещетъ и бьется. Мнится, что скоро, быть можетъ, и сватать прѣдутъ любимую дочку. Жалко ему разставаться съ красавицей юной. Жалко ему отдавать невѣдомымъ людемъ дѣтище въ руки свое: онъ взлелѣялъ, вскормилъ дорогую Свободу, приставилъ къ ней вѣрную мамку блюсти и хранить стыдливость и скромность дѣвицы. Силы свои для нея бережетъ онъ, богатство ей копить, чтобъ счастье ей спутникомъ было во всѣхъ тревоженіяхъ жизни.

Думою мрачной о счастьѣ дочернемъ терзаемъ, вѣрнаго стража онъ шлетъ за старинной подругою юнаго дѣтства, — старухой Судьбой. Много вопросовъ житейскихъ рѣшала владыкъ старуха, много совѣтовъ премудрыхъ въ опасныхъ волненіяхъ жизни ему преподала. И мудръ постоянно совѣтъ былъ вѣщуньи старухи, и счастливъ былъ старый бояринъ, послушный совѣтамъ.

Предъ взоромъ суровымъ боярскимъ, окутаннымъ тучею скорби, предстала Судьба. И повѣдалъ владыка причину ей скорби душевной, тревоги за счастье красавицы дочки. Слезы катились изъ глазъ своевольнаго, гордаго старца. Слабымъ ребенкомъ старухѣ Судьбѣ показался бояринъ. Сжалось сердце Судьбы передъ горемъ любимаго друга: вѣщимъ учуялъ онъ сердцемъ грозящія бѣды Свободѣ. И другу, убитому горемъ, повѣдала правду старуха:

„Правда, бояринъ!“ Не даромъ сомнѣнія сердце терзаютъ твое, недаромъ гнетутъ безпощадно лютыя думы; ты правду учуялъ любящей душою, страшася за юную дочь. Неизбѣжны волненія, муки, страданія, гоненія въ жизни Свободы. Правда, красой неземной возсіяетъ священная дѣва; правда, блестящимъ лучомъ озаритъ она міръ, и народы гремящею славой вѣнчаютъ красавицу дщерь, но нынѣ, да вѣдомо будетъ тебѣ, что лютыя муки, страданія юной Свободѣ грозятъ, что они неизбѣжны.

Если-жъ, бояринъ, ты вѣдать желаешь злодѣйку, раскрывшую міру хранимую тайну о дщери, запомни, что это, — крамольная мамка Молва, надзору которой, бояринъ, ты дочь, поручилъ неразумно!

Бурной страстью зажглось боярское лютое сердце; молнии гнѣва метнулъ изъ очей разъяренный владыка. Все приумолкло, притихло предъ ярою мощью боярской.

„Въ темный подвалъ заключить, заковать всю въ желѣзныя цѣпи строптивую, дерзкую мамку!“ — грозно пронесся по сводамъ глухимъ повелительный голосъ.

„Дочь заключить въ златоверхій, мурованный теремъ, крѣпко забить тамъ желѣзную дверь, чтобъ оковы съ желѣза вѣкъ не снимать!... заповѣдалъ безумный родитель...“

Свершилось... Въ оковахъ Молва и въ теремѣ скрыта Свобода, и глухо несутся изъ замка стenanія дѣвы. Но мощно по струнамъ баяновъ гремятъ вдохновенныя пѣсни, міру вѣщая красу и мученья Свободы.

Вл. Ленинъ.

Государственная

Почетный караул Государственной Думы, по проекту К. П. Побѣдоносцева, приметъ активное участие въ обсужденіи вопроса объ амнистіи.

Блестящее избраніе Муромцева председателемъ Думы объясняется тѣмъ, что монархическая группа не пожелала выставить своего кандидата.

Дума.

Въ виду отсутствія центральныхъ мѣстъ въ Думѣ, кадеты перемѣстились вправо. Опасаются, какъ бы отъ перемѣны мѣстъ слагаемыхъ не измѣнилась сумма политическихъ убѣждений партіи.

Получена привѣтственная телеграмма изъ Малороссіи: „Не кажи *) гопъ, пока не перескочимъ“.

*) говори.

Идіотъ.

(Изъ редакторскихъ кошмаровъ).

Я устало поднималъ глаза. Предо мной стоялъ господинъ, средняго роста, безцвѣтной наружности и, протягивая мнѣ свернутую трубкой бумагу, еле внятно шепталъ:

— Такъ согласны? да? вѣдь вамъ теперь все равно!

— Что вамъ угодно, милостивый государь! И какъ вы пробрались въ мой кабинетъ сквозь запертую дверь?—спросилъ я, съ негодованіемъ взирая на сѣраго гостя.

— Умоляю васъ!—зашепталъ онъ опять.—Поймите, что я самъ боюсь, а хочется пособить отечеству по мѣрѣ силъ. Ради Бога! Вамъ все равно вѣдь: и такъ, и безъ меня вамъ ссылка ужъ приготовлена!.. Вѣрьте, какъ честный человѣкъ утверждаю... Предписаніе до суда уже имѣется...

— Да въ чемъ дѣло? Ничего не понимаю! Объяснитесь, наконецъ, чортъ возьми!—разсердился я.

— Ради Бога не сердитесь, послушайте!.. Я хочу спасти отечество, но боюсь...

Я вскочилъ, какъ ужаленный. Меня осянула безразсуднѣйшая мысль.

— А, понимаю!—вскричалъ я.—Вы—членъ революціонной организаціи и предлагаете мнѣ совершить террористическій актъ. А такъ какъ я все равно привлекаюсь къ отвѣтственности, то по вашему мнѣнію, лишнее обвиненіе не повредитъ... Но... позвольте...

— Увѣряю васъ, вы ошибаетесь! Вы глубоко ошибаетесь...—торопливо заговорилъ онъ:—наша партія

не революціонна, мы даже совсѣмъ наоборотъ, клянусь вамъ. П. П. П. не признаетъ ни революціи, ни террористическихъ актовъ... И я предлагаю вамъ совсѣмъ не то...

— Да что-же вамъ нужно тогда

— Ваша подпись.

— Что-о-о?—протянулъ я съ изумленіемъ. Еще болѣе нелѣпая мысль пронзила мое сознаніе.

— Вы дьяволъ?—произнесъ я въ страхѣ:—вы хотите получить съ меня купчую на мою душу?.. Но предупреждаю васъ, милостивый государь, что я ни въ дьяволовъ, ни въ душу не вѣрю, и васъ тоже считаю призракомъ, вызваннымъ лишь моимъ собственнымъ воображеніемъ.

Безцвѣтное лицо отразило нѣчто въ родѣ улыбки.

— Вы и на этотъ разъ ошиблись.. Я реальный членъ правового порядка, христіанинъ, коллежскій регистраторъ и патріотъ. Я хочу посредствомъ васъ спасти Россію.

— Но чѣмъ же, чортъ возьми, вы спасете ее?—вспылилъ я наконецъ.

— Новымъ сатирическимъ журналомъ!

— Идіотъ!!—закричалъ я, съ ужасомъ вглядываясь въ безцвѣтные глазки гостя...

— Вы угадали,—обрадовался онъ:—это названіе моего сатирическаго журнала. Да!—торжественно заговорилъ онъ:—вѣрьте мнѣ, милостивый государь, „Идіотъ“ спасетъ Россію... Онъ все освѣтитъ съ точки зрѣнія правового порядка. Онъ осмѣетъ все лѣвое... Онъ развѣнчаетъ революцію... Онъ покажетъ русскому обществу его вождей, его спасителей... Онъ введетъ въ измученномъ отечествѣ правовой порядокъ.

Незнакомецъ развернулъ трубку и я увидѣлъ:

И Д І О Т Ъ

ЖУРНАЛЪ САТИРИЧЕСКІЙ И БЕЗПОЩАДНЫЙ, НО ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ.

Галлерей современныхъ общественныхъ дѣятелей.

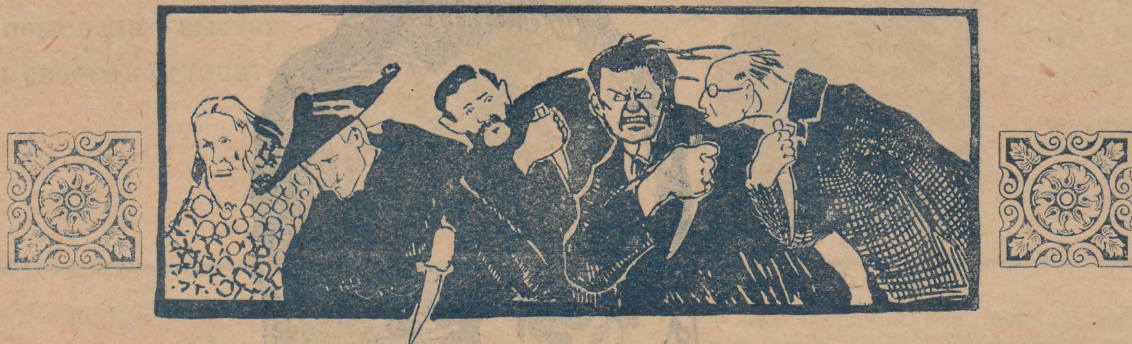

Бывшій премьеръ-министръ графъ С. Ю. Витте,

Я окончательно разсердился.
 — Чортъ знаетъ что! Но при чемъ же я здѣсь, милостивый государь?—строго спросилъ я.
 — Вы должны быть редакторомъ „Идіота“.
 — Что-о-о?
 — Вамъ все равно! Поймите, что вамъ все равно, а Россія будетъ спасена. Я-же... Я стецъ семейства! Пожалуйте меня! Мнѣ опасно!
 Онъ заплакалъ...
 Но позвольте,—сказалъ я, тронутый его слезами:—при программѣ, нарисованной вами, редактирование вашего журнала не представитъ никакой опасности.
 — Вы думаете? А за что первый номеръ конфисковали, когда онъ еще только писался, собственноручно мною, у меня же на квартирѣ...
 — Какъ такъ?
 — Очень просто! Зашелъ мой, извините за выраженіе, сводный братъ... по отцу... неединоутробный, такъ сказать... Въ околоточныхъ онъ... Увидѣлъ онъ первую страницу „Идіота“ въ рукописномъ видѣ... Да какъ закричить:—Я тебя, гритъ, въ 24 часа за агитацію разстрѣляю... Я тебя, гритъ, изъ предѣловъ Россійской Имперіи къ праотцамъ... Обомлѣлъ я... Начальство, хотя и братъ, но все-таки

не свой... А онъ въ охапку журналъ... да на улицу... и тутъ-же газетчику за полтинникъ и продалъ... Конфискованный, гритъ, номеръ... Я потомъ уже за трешницу откупилъ...
 Дверь съ шумомъ распахнулась. На порогѣ стоялъ околоточный, жандармъ, трое городовыхъ, дворникъ, шпіонъ и судебный слѣдователь.
 Мой гость поблѣднѣлъ.
 — Десять тысячъ, или тюрьма!—закричалъ слѣдователь.
 — Десять цѣлковыхъ, или въ морду!—закричалъ околоточный.
 — Десять гривенниковъ, или доносъ!—закричалъ шпіонъ.
 — Десять, десять, десять... тюрьма, въ морду доносъ, разстрѣль, —хоромъ закричали спутники...
 Что-то насъ обоихъ схватило и... я проснулся.
 Петербургское утро, шурясь, заглядывало въ окошко, у постели стояли невычищенные сапоги, а въ дверяхъ красовался дворникъ Петръ и ласково протягивалъ мнѣ говѣстку отъ судебного слѣдователя.
 Сонъ былъ въ руку.

Валь де-Марино.

Элегія.

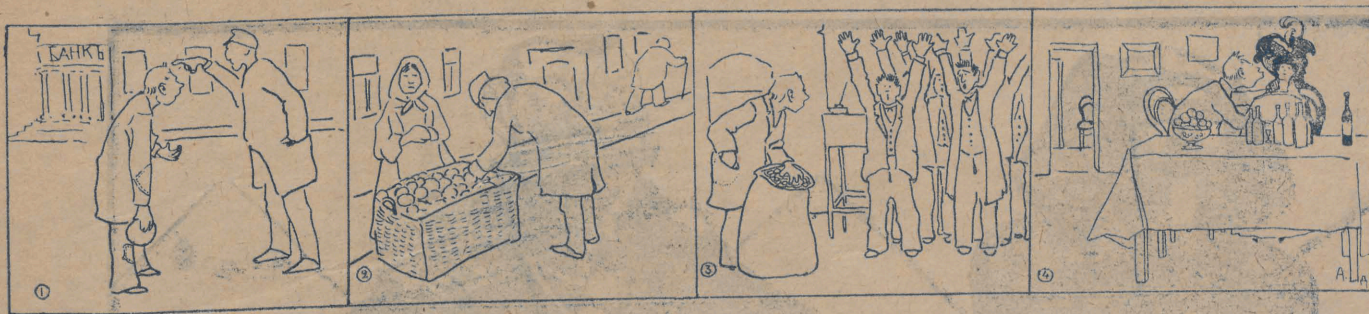
Я боюсь рассказать вамъ, о чемъ я пою,
 Я боюсь, что, подслушавши повѣсть мою,
 Власти мигомъ усмотрятъ въ ней дерзкую нотку,
 И придется мнѣ съѣсть за рѣшетку.
 * * *
 Я боюсь рассказать вамъ, о чемъ я пою,
 Я боюсь, что, подслушавши повѣсть мою,
 Камышанскій всю прелесть рассказа оцѣнитъ
 И сто-третій параграфъ примѣнитъ.
 * * *
 Я боюсь рассказать вамъ, о чемъ я пою,
 Я боюсь, что, подслушавши повѣсть мою,
 Дико взвоятъ чины правового порядка
 И—придется поэту не сладко.

Гастонъ.

Рыцарь.

Оба были въ ярко-красномъ
 И глядѣли оба хмуро,
 Какъ подъ небомъ безучастнымъ.
 Совершалась процедура.
 И одинъ былъ жрецъ великій
 И таилъ подъ маской скромной
 Высшій чинъ придворной клики,
 А другой—палачъ наемный.
 * * *
 — Время... Все готово... Кровью
 Рыцарь грѣхъ свой дерзкій смой:
 Возвеличенъ ты любовью
 И народною молвой, —
 Вотъ сошлись на дворъ монахи
 За псалмомъ поютъ псаломъ,
 И палачъ у черной плахи
 Всталъ съ блестящимъ топоромъ.
 * * *
 Грозно грянулъ валь прибоя...
 Дрогнулъ берегъ отъ удара:
 Распалила смерть героя
 Пламя бурное пожара.

Вилли.

Картинки.

I.

Надъ Днѣпромъ, надъ рѣкой,
Гдѣ военной рукой
Отъ страстей кіевлянинъ спасается,
Гдѣ Владимиръ старикъ
Головою поникъ
И отъ смуты къ рѣкѣ опускается, —
Тамъ болѣетъ давно
За Россію Пихно
И отъ боли шипитъ и кусается.
Знать гнететъ старика
Лиходѣйка-тоска,
Обуяла, знать, сердце кручинушка,
Бѣлый свѣтъ опостылъ,
Что бѣлугой завылъ,
Растужился, восплакалъ старинушка.
Знать, пришли времена;
Одолѣлъ сатана,
Побѣдила силища крамольная,
Знать, крамола растетъ,
Значить, близокъ расчетъ
И за вольная, и за невольная.
Не спасли ни штыки,
Ни родные шпіки,
Ни святая дружинушка черная.
Ни радѣтель-погромъ,
Ни наброски перомъ,
Ни газетная свора покорная.
Оклеветанъ весь строй,
Оскорбленъ мордобой,
Все святое навѣкъ опоганено.
Для спасенья страны
Не родились сыны:
Нѣтъ ни Минина, нѣтъ ни Суса-
нина.
Нѣтъ спасенья Руси
Ни вдали, ни вблизи,
Всѣ дороженьки, тропочки скольз-
кія.
Нѣтъ людей... Гдѣ ни глянь —
Все лишь мелкая дрянь

Крушеваны, Амалы, Никольскіе,
А неволя близка...
Гдѣ жъ ты мощь кулака?
Гдѣ вы рыцари, дѣти боярскіе?
Гдѣ вы, силы страны?
Гдѣ вы, соль старины —
Гермогены, Малюты, Пожарскіе
И заплакалъ старикъ,
Затуманился ликъ,
Словно туча сгустилась темная.
И не чуеъ Пихно,
Какъ столпилась давно
Передъ нимъ камарилья погромная,
Какъ съ тоскою глядитъ
Ему въ очи синклить,
Какъ смутилась братія шумная,
Какъ беретъ ее страхъ,
Что въ отцовскихъ очахъ
Засвѣтилась идея безумная.

Гастонъ

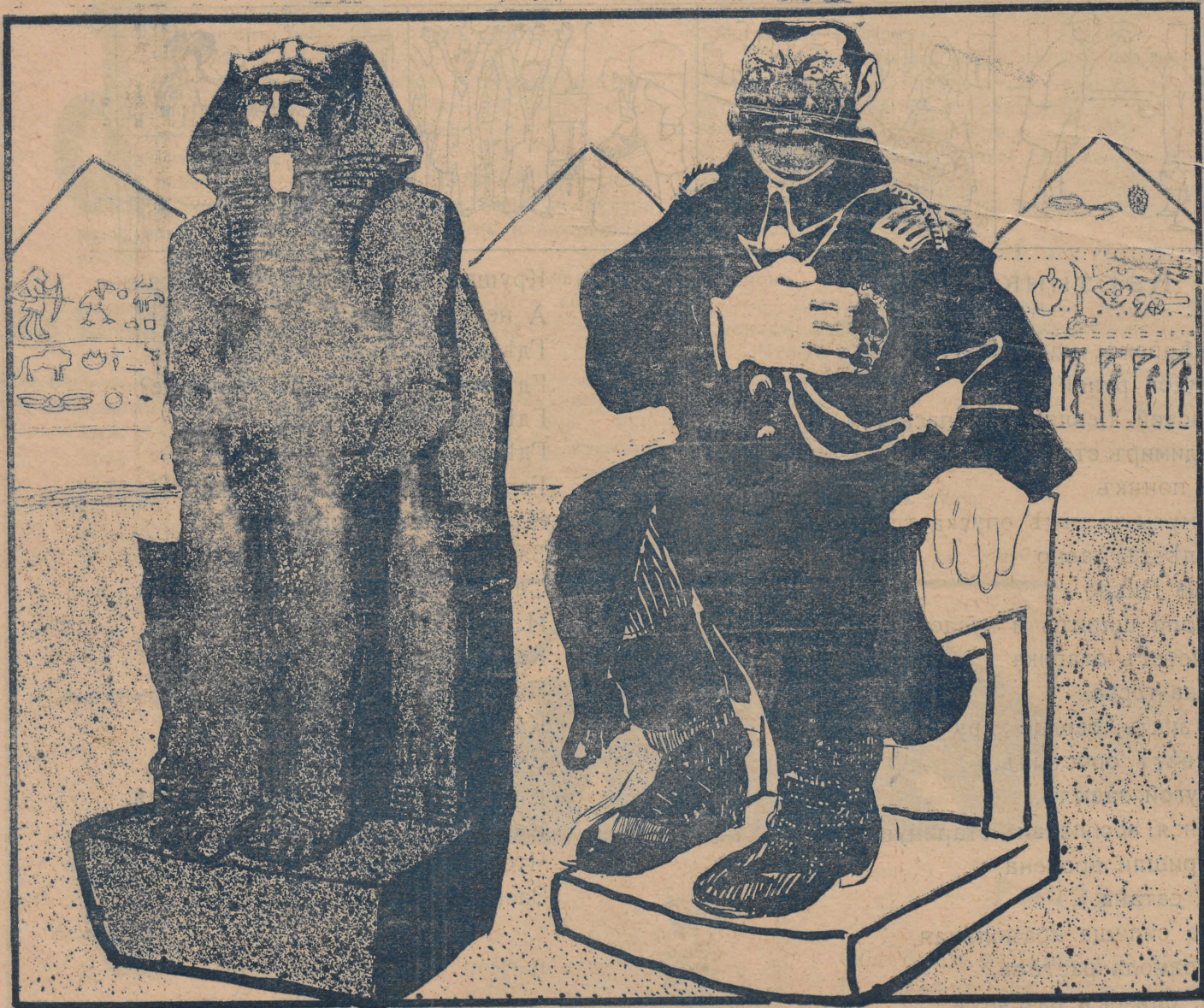
Критика и библиографія.

(Какъ будто изъ „Моск. Вѣд.“).

„Пауки и Мухи“ народная сказка. перев. Романова
ц. 1 коп.

Напечатанная безъ цензурнаго разрѣшенія сказка
полна гнусной клеветы и пытается внести растлѣ-
вающихъ идеи въ незатронутые еще пропагандой сло-
насъкомаго царства. Возбуждая одну часть населенія
Россійской имперіи (мухъ) прѣтъ другой (пауковъ),
дерзкій авторъ совершенно упускаетъ изъ виду уже
самой природой установленное социальное различіе
этихъ классовъ: всѣми научными авторитетами (еп.
Никонъ, отецъ Іоаннъ Сергіевъ Кронштадскій), при-
знано что голубая кровь и бѣлая кость, характери-
зующіе пауковъ, являются достаточнымъ основаніемъ
съ точки зрѣнія міровыхъ законовъ для питанія пау-
ковъ дерзкими мухами.

Интересно знать, кѣмъ себя считаютъ господа
Романовы и ихъ свора: — пауками или мухами.

Два фараона.

Стазя себѣ цѣлью способствовать культурному развитію нашего отечества путемъ самой рѣзкой критикѣ отживающихъ формъ современной общественной жизни. — редакция журнала

Пушкинская 19, кв. 41.

БУРЕВАЛЪ

Пушкинская 19, кв. 41.

будетъ чутко реагировать на все злободневное, не упуская изъ виду великой общей задачи — освобожденія родины.

Къ участию въ журналѣ приглашены многія изъ видныхъ представителей литературы и искусства, полный списокъ которыхъ будетъ опубликованъ въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ.

Въ теченіе года подписчики получаютъ цѣлую серію современныхъ типовъ, исполненныхъ художниками Н. Герардовымъ и А. Де-Пальдо.

Приемъ по средамъ отъ 10 до 12 час. дня.